49

УДК 316.754.4 ББК 60.51

DOI: 10.35211/2500-2635-2020-1-41-49-56

КОНЦЕПЦИЯ ЧУЖАКА В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ

THE CONCEPT OF THE STRANGER IN THE SOCIOLOGICAL TRADITION

ФАХРЕТДИНОВА Лилия Маратовна

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Россия E-mail: fahretdinova.lm@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается развитие концепта чужака в социологии, раскрываются его значимые характеристики и рассматриваются отдельные теоретические вопросы, связанные с идентификацией понятия и эволюцией его содержания.

Ключевые слова: чужак, маргинал, посторонний, Зиммель, Чикагская социологическая школа, Шюц, Вуд, Тирикьян.

FAKHRETDINOVA Liliia M.

Kazan (Volga region) Federal University, Kazan, Russia

E-mail: fahretdinova.lm@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the development of the concept of the stranger in sociology; the article reveals significant characteristics of the concept and discusses some theoretical issues related to its identification and the evolution of its content.

Keywords: stranger, marginal man, outsider, Simmel, Chicago School of Sociology, Schutz, Wood, Tiryakian.

Понятие чужака в социологии сопряжено с целым рядом категорий, одни из которых присутствовали в социологическом тезаурусе как изначально самостоятельные и лишь с течением времени вошли в орбиту теории чужака, другие сформировались под влиянием самой теории. В частности, это такие понятия, как «маргинальность» и «миграция», «сообщество» и «границы», «город» и «деревня», «изменения» и «традиции».

Категория чужака была введена в социологический вокабуляр Георгом Зиммелем в 1908 г. «Экскурс о чужаке», изначально представлявший собой главу из раздела о социальном пространстве и пространственных порядках в монографии «Социология. Исследование форм обобществления», приобрел значительное влияние и в настоящее время читается, скорее, в качестве самостоятельного эссе. В тексте Г. Зиммеля, построенном, как практически все наследие теоретика, на интуициях и инсайтах, скорее, были намечены потенциальные границы проблемной области, нежели вводились строгие категории либо производилась систематизация элементов новой теории.

Ученый определяет чужака как того, «кто сегодня приходит и назавтра остается». Это потенциальный странник, который, «хотя его и не тянет дальше, все-таки не полностью преодолел оторванность приходов и уходов» (2008:9). Иначе говоря, это субъект, мобильность которого противостоит закрепленности группы. Г. Зиммель подчеркивает, что чужак выступает имманентным элементом группы, одновременно внеположенным и противоположным ей, в этом отношении близким к бедным людям или «внутренним врагам». Особенный статус чужака объясняется его принадлежностью к пространственному (или аналогичному пространственному) кругу, в котором тот состоит не с самого начала и куда привносит качества, данному кру-

[©] Фахретдинова Л. М., 2020

гу не принадлежащие. Особое значение, которое имеет для понимания феномена чужака пространственное различение, а также связанные с ним категории границы, дистанции и локации, впоследствии определили развитие исследований сообществ. Светлана Баньковская, однако, обращает внимание на то, что Г. Зиммель применяет не только пространственный, но и временной критерий, поскольку чужак присутствует в группе не с начала, так что время его прихода можно с точностью зафиксировать, в отличие от момента становления самой группы (2007:78). Пространственный критерий в «Экскурсе» выражается, помимо указанного, в подчеркивании невозможности для чужака быть землевладельцем, полноценным хозяйствующим субъектом, поскольку все подобные позиции уже заняты. При этом Г. Зиммель замечает, что земля выступает не только как некий материальный объект собственности, но и жизненная субстанция, прочно связанная с тем или иным местом. Подобающая в представленных обстоятельствах роль – торговец, который не может быть ни кем иным, как чужаком, в силу самого характера деятельности.

Особым свойством чужака выступает его признаваемая группой объективность, или свобода, которая позволяет членам группы быть предельно откровенными в общении с ним, а самого чужака превращает в незаинтересованного субъекта, составляющего беспристрастные суждения. В качестве примера обращения к такого рода объективности ученый называет принятую в некоторых итальянских городах практику приглашать судей извне, что потенциально исключает их непотизм или политическую ангажированность (2008:11). В трактовке Георга Зиммеля чужак не обесчеловечивается, он сохраняет единство свойств близости и удаленности, поскольку члены группы признают между ним и собой «равенство национального или социального, профессионального или общечеловеческого рода», но характер такого равенства чрезмерно общий и оттого не порождающий признания и принятия. В этом отношении хрестоматийным примером чужака является шекспировский Шейлок из «Венецианского купца», который в диалоге с венецианцем, объясняя свое мстительное и убийственное требование, апеллирует к общечеловеческому родству, однако причины исключения Шейлока из респектабельного общества являются конкретными, а критерии общности обладают чрезмерно широкими границами, потому лишены действительной силы. Г. Зиммель признает, что отчуждение может производится на основании некоего тотального критерия, как его осуществляли эллины в отношении варваров, отказывая последним в сугубо человеческих качествах. Такой вариант чужака лишается каких-либо положительных качеств и составляет самостоятельный тип, поскольку не выступает частью группы (2008:13), что является сущностным элементом зиммелевской интерпретации чужака.

Основная роль в легитимации и популяризации понятия «чужак» в американской социологии принадлежит Роберту Парку, который совместно с Эрнстом Берджессом в 1921 г. перевел «Экскурс о чужаке» на английский язык. Изложенные Г. Зиммелем идеи позволили Р. Парку разработать

собственную концепцию маргинального человека, ставшую одной из базовых для представителей Чикагской школы и сформировавшую основания для такой отрасли современной социологии, как социология маргинальности. В статье «Человеческая миграция и маргинальный человек» Р. Парк обращается к идее, которую определяет как катастрофическую теорию прогресса. Он пишет, что в связи с урбанизацией и ростом миграции происходит увеличение контактов между представителями различных рас, однако процессы социальной ассимиляции и амальгамирования зачастую оказываются неуспешны, в таких обстоятельствах формируется тип человека, вынужденного существовать на границах культур, именно он определяется в качестве маргинального (1928:882, 890).

Роберт Парк заметно идеализирует чужака в эссе 1926 года «Сознание бродяги». Он не только понимает разум в качестве частного случая перемещения, но также определяет стремление к перемене мест (ту самую мобильность и незакрепленность, о которой писал Г. Зиммель) как «самое первейшее выражение романтического характера и романтического отношения к жизни». Бродяга для ученого – это «пионер фронтира, задержавшийся в том времени и в том месте, где и когда фронтир уходит в прошлое или уже больше не существует» (2003:36-37), иначе говоря, типичный представитель американского национального характера, сознание которого страдает от отсутствия призвания в изменившихся социальных обстоятельствах.

Ученик Р. Парка Эверетт Стоунквист в монографии «Маргинальный человек», выпущенной в 1937 г., развивает социально-психологическую интерпретацию маргинальности на основании обширного эмпирического материала. Он рассматривает маргинальную личность как «всемирный тип», причину возникновения которого составляет «контраст, трение или конфликт социальных групп, расходящихся расой или обладающих особыми культурами, при которых члены одной группы стремятся приспособиться к группе, которая, как им представляется, обладает большим престижем и властью» (2015:266). Маргинализация при данных обстоятельствах связывается с тем, что индивид частично ассимилируется доминирующей группой и отчасти идентифицирует себя с ней, однако не принимается группой в полной мере.

Следует отметить, что впоследствии вопрос о соотношении категорий «чужак» и «маргинал» приобрел в социологии дискуссионный характер. Среди авторов, выступающих с критикой традиции отождествления чужака и маргинала, Дейл Маклемор и Дональд Левин (1977). Так, Д. Маклемор пишет, что зиммелевское понимание чужака с самого начала обладало «замечательным иммунитетом к критике... как если бы его значение было ясным, а аналитическая мощь очевидной» (1970:86-87). Большая часть указанной статьи посвящена рассмотрению проблемы необоснованного смешения терминов «чужак», «маргинал» и «возвращающийся домой». Д. Маклемор также отмечает, что по причине исключительного авторитета, который имеет работа Г. Зиммеля, исследовательский потенциал более поздних идей, развивающих «социологию чужака», недооценивается, а описание са-

мого объекта, соответственно, упрощается (1970:93). В частности, среди поздних работ, значение которых не приобрело достаточного признания, Д. Маклемор называет тексты Маргарет Мэри Вуд и Альфреда Шюца.

В развитие суждения о терминологических дискуссиях представляется оправданным краткое освещение и другой характеристики проблемы чужака применительно к отечественной традиции изучения вопроса. При работе с зарубежной и русскоязычной литературой обращает на себя внимание особенность дискурса маргинальности в российской социологии - терминологические затруднения, основания которых можно заметить в ограничениях, накладываемых языком. С увеличением числа зарубежных работ произошло закономерное умножение применяемых категорий, несущих отдельные смысловые различия, которые сложно перевести на русский язык с предельной точностью. К примеру, если категории «stranger», «other» и «marginal man» имеют конвенциональные варианты перевода, то такие понятия, как «wanderer», «outsider», «alien», «homecomer» или «newcomer» доставляют явные проблемы переводчикам, поскольку или не имеют односложного перевода, или несут оттенки смысла, которые не передают синонимы в русском языке. Ситуация неконсистентности заметна и в связи со сложившейся в российской социологии традицией перевода слова «stranger» как «чужак», в то время как повсеместно принятый термин «estrangement», в свою очередь, переводится словом «отстранение», а не однокоренным «отчуждение». Впрочем, последнее обстоятельство обосновано тем, что категория отчуждения не только имеет неотъемлемые марксистские коннотации, но и устоялась в качестве русскоязычного аналога понятия «alienation». Стоит, однако, отметить, что терминологическая неустойчивость, вероятно, имеет следствием смысловые потери. Отчасти данное обстоятельство объяснимо относительной молодостью отрасли, в которой еще не успел кристаллизоваться тезаурус.

Под влиянием работ Г. Зиммеля и социологов Чикагской школы была написана авторитетная монография Маргарет Мэри Вуд «Чужак: Исследование в области социальных отношений», опубликованная в 1934 году. Она уточнила и развила зиммелевское понимание чужака, и описала существование феномена в различных социальных и территориальных обстоятельствах, в соответствии с генеральной линией интерпретации, уделив особое внимание специфике городской среды. Именно к дефиниции чужака, сформулированной ученой, на протяжении всей ранее упомянутой статьи обращается С. Д. Маклемор. На эту же монографию в примечаниях к «Чужаку» также ссылается Альфред Шюц, особенно отмечая библиографию, приводимую автором. М. Вуд определяет чужака как того, кто впервые сталкивается с группой лицом к лицу. Она подчеркивает, что, ее понимание чужака является более широким, чем у Г. Зиммеля, для которого это потенциальный странник, который сегодня приходит и назавтра остается. Для нее это может быть также странник, который сегодня приходит и завтра уходит или, наоборот, остается с группой навсегда. Ученая подчеркивает, что временная продолжительность не важна по отношению к факту непосредственности первой встречи. Отдельно она отмечает, что к чужакам, в соответствии с ее интерпретацией, отнесены и такие индивиды, которые находятся в позиции социальной изоляции по отношению к другим членам группы, несмотря на то, что могут контактировать с ними ежедневно, а также приводит разнообразные примеры позиций: пророки, гении, занимающие высокие посты руководители, бедные или больные люди, расовые меньшинства и т. д. Все эти индивиды оказываются в ситуации, сопоставимой с позицией незнакомца, впервые встречающего группу; они лишены близких социальных связей с членами группы; входят в группу, но не являются ее частью, «they are in the group, but not of it» (1934:43-45).

Наиболее важный теоретический вклад в развитие «социологии чужака» был внесен Альфредом Шюцем, среди основных статей которого, посвященных данной теме, «Чужак», написанный в 1944 г., и «Возвращающийся домой» 1945 года. Он предельно сужает содержание категории чужака, под которым понимает взрослого индивида «нашего времени и нашей цивилизации, пытающегося добиться постоянного признания или, по крайней мере, терпимого к себе отношения со стороны группы, с которой он сближается» (2004:533). Из дефиниции исключаются представители социальных категорий, существующие в специфических, закрытых для социолога системах релевантностей, а примерами чужаков становятся иммигранты, новичок, жених, стремящийся войти в семью невесты, и другие современные автору персонажи. Обращаясь к идеям Уильяма Джеймса, ученый раскрывает характер распределения знания в рамках мы-группы и подчеркивает, что усваиваемый членом группы культурный образец, а шире - знание, которым он оперирует в повседневной жизни, является несвязным, не вполне ясным и полным противоречий (2004:536), что, впрочем, не осознается его носителем, поскольку оно достаточно для повседневных интеракций. Особенность позиции чужака в таких обстоятельствах состоит в том, что культурный образец не усвоен им изначально, а значит, ставится под сомнение. Привычная чужаку система релевантностей, усвоенная в его собственной мы-группе, не действует в новом социальном окружении, равно как не обеспечивает его эффективными моделями поведения в новой группе. А. Шюц пишет: «Культурный образец неродной группы является для чужака не уютным убежищем, а полем приключений, не самоочевидной данностью, а проблематичной темой исследования, не инструментом разрешения проблематичных ситуаций, а самой настоящей проблематичной ситуацией, с которой ему нелегко совладать» (2004:546). Именно с личностным кризисом при столкновении с незнакомым культурным образцом он связывает объективность чужака, которую отмечал Г. Зиммель. Еще одно свойство, которое подвергается анализу в статье, - суждение о сомнительной лояльности чужака. Для его разъяснения А. Шюц обращается к концепции «маргинального человека» Р. Парка и Э. Стоунквиста, интерпретируя чужака в качестве культурного гибрида, сама позиция которого делает невозможным безоговорочную приверженность культурному образцу группы (2004:547).

Вслед за Р. Парком А. Шюц осуществляет терминологическую пролиферацию, вводя понятие «возвращающегося домой» («homecomer») для

обозначения специфической разновидности феномена чужака. Так же, как Роберт Парк в «Сознании бродяги», он начинает с романтического описания экзистенциального значения, которым обладает дом. А. Шюц определяет дом как «нулевую точку системы координат, которую мы приписываем миру, чтобы найти в нем свое место» (2004:550). Кризис, с которым сталкивается возвращающийся домой и который фактически ставит его в позицию чужака, связан с различием в характере социального опыта и последующим несовпадением типизаций вернувшегося и его оставшихся дома близких. Воплощением такого чужака для ученого выступает солдат, который по возвращении оказывается лишен как прежнего привилегированного статуса, так и радости узнавания дома или даже понимания со стороны близких, способных предложить ему лишь псевдотипизации, а не релевантное понимание его индивидуального опыта.

Джули Мейер в известной статье «Чужак и город» использует данную концепцию для описания отношений в городской среде и уточнения категории сообщества. Она производит различение понятий «чужак» («stranger») и «посторонний» («outsider»): «Чужак – это посторонний, но не каждый посторонний – чужак» (1951: 476-477). Будет или нет посторонний восприниматься чужаком, зависит от характера отношения членов группы к общим чертам и различиям между ними и другим. Так, сторонний человек, который призывается для расследования проблемы или вынесения решения по поводу спора, определяется в качестве постороннего, так как, в целом, он признается подобным членам группы, которые лишь не обладают должной отстраненностью, чтобы разрешить ситуацию самостоятельно, однако ожидают, что вынесенное решение будет соответствовать их пониманию. В случае с чужаком постулируется невозможность единства во взглядах, суждениях, нравах и т. д. (1951:477). При этом Д. Мейер вовсе не отрицает возможность чужака, как и постороннего, иметь определенный личный престиж среди членов группы. В качестве типичного примера обладающего личным престижем чужака, которого призывают для помощи группы, она называет целителя. Таким образом, интерпретация Д. Мейер выступает, в известной мере, зеркальной по отношению к концепции, сформулированной Г. Зиммелем. Она уделяет в статье значительное внимание разрушению сообществ в условиях урбанизации; развивает идею города как «конгломерата чужаков, людей, которые не знают друг друга, которые не имеют идентичности, но стремятся приобрести ее, чтобы освободиться от анонимности» (1951:477). Чужаки рассматриваются Д. Мейер не только в пространственном, но и темпоральном аспекте в качестве агентов социальных перемен.

В развитие идеи амбивалентного отношения к чужаку Эдвард Тирикьян посвящает статью вопросу о позиции чужака в социальной структуре, обращаясь, помимо социологических источников, также к антропологическому материалу, собранному Эллиотом Скиннером в Западной Африке. Э. Тирикьян отмечает искушающее свойство («seductive quality») социальной роли чужака, приобретающего привлекательность для членов сообщества в силу близости к незнакомому (мотив, который проскальзывает

у Г. Зиммеля и развивается Р. Парком). «Как носитель странного, чужого, незнакомого, – пишет он, – чужак, как человек, знающий о незнакомом и являющийся его участником, имеет однозначный авторитет в сравнении с «местными», невежественными в отношении внешнего. Его знакомство с незнакомым дает ему определенную власть и авторитет» (1973:48). В качестве носителя странного чужак воспринимается как обладатель особых способностей, которых лишены местные. Заметим, что с представлением об особых способностях чужаков, равно как с тезисом об их особом авторитете, можно связать и признание за чужаками рассмотренной ранее объективности. Особое свойство чужака, будь то иностранец, варяг, уроженец иного региона, в такой интерпретации – это способность оставаться непредвзятым.

Амбивалентность позиции чужака выражается также в том, что новое представляется странным в силу самой своей новизны, оно одновременно воодушевляет и тревожит. Незнакомец воспринимается сообществом как потенциальная угроза привычному укладу; тот, кто может разрушить знакомое, «вывернуть его наизнанку». Э. Тирикьян подчеркивает, что «чужак не только крайне желаем; он также крайне нежелателен» (1973:48). Появление на пороге чужака, который выступает выражением внешнего мира, вторгающегося в привычную жизнь сообщества, как отмечает американский социолог, делая ремарку о распространенности подобного образа в литературе, ставит под вопрос не просто существование сообщества, но и его выживание. Следует отметить, что описываемые характеристики чужака типичны также для примера горожанина, представленного в упомянутом ранее тексте Д. Мейер. В качестве иллюстрации можно обратиться к бытовавшему в западной литературе на протяжении долгого периода образу модного и развращенного городского жителя, вторжение которого в тихий уклад провинциального сообщества приводит к разрушительным последствиям. Таковы дез Эссент, Онегин и многие другие классические герои.

В заключение можно отметить, что концепция чужака, в отличие от многих традиционных категорий социологии, не утратила связи с первоначальным источником, оригинальным текстом Георга Зиммеля. На основании концепции чужака сформировалось несколько самостоятельных категорий, наиболее востребованная из которых «маргинальность». Понятие чужака применяется для описания многих феноменов как пространственного, так и темпорального свойства; в частности, в настоящее время оно тесно связано с представлениями о социальном развитии и сообществах.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

- 1. Баньковская, С. П. Другой как элементарное понятие социальной онтологии / С. П. Баньковская // Социологическое обозрение. 2007. Т. 6. № 1. С. 75–87.
- 2. 3иммель, Γ . Экскурс о чужаке / Γ . Зиммель // Социологическая теория: история, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: Владимир Даль, 2008. С. 9–14.
- 3. *Парк, Р.* Сознание бродяги: рассуждения по поводу соотношения сознания и перемещения / Р. Парк // Социологическое обозрение. 2003. Т. 3. № 1. С. 35–37.
- 4. Стоунквист, Э. В. Маргинальный человек / Э. В. Стоунквист // Чикагская социология: сб. переводов. М.: ИНИОН РАН, 2015. С. 266–299.

- 5. Шюц, А. Чужак / А. Шюц // Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. С. 533–549.
- 6. Шюц, А. Возвращающийся домой / А. Шюц // Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: Российская политическая энциклопедия, 2004. С. 550–556.
- 7. *Levine, D. N.* Simmel at a Distance: On the History and Systematics of the Sociology of the Stranger / D. N. Levine // Sociological Focus. Vol. 10, no. 1. 1977. Р. 15–29. Режим доступа: JSTOR, JSTOR, www.jstor.org/stable/20831024.
- 8. McLemore, S. D. Simmel's 'Stranger: A Critique of the Concept / S. D. McLemore // The Pacific Sociological Review. Vol. 13, no. 2. 1970. Р. 86–94. Режим доступа: JSTOR, JSTOR, www.jstor.org/stable/1388311.
- 9. Meyer, J. The Stranger and the City / J. Meyer // American Journal of Sociology. Vol. 56, no. 5. 1951. P. 476–483. Режим доступа: JSTOR, JSTOR, www.jstor.org/stable/2772808.
- 10. Park, R. E. Human Migration and the Marginal Man / R. E. Park // American Journal of Sociology. Vol. 33, no. 6. 1928. Р. 881–893. Режим доступа: JSTOR, JSTOR, www.jstor.org/ stable/2765982.
- 11. *Tiryakian, E. A.* Sociological Perspectives on the Stranger / E. A. Tiryakian // Soundings: An Interdisciplinary Journal. Vol. 56, no. 1. 1973. Р. 45–58. Режим доступа: JSTOR, JSTOR, www.jstor.org/stable/41177870.
- 12. *Wood, M. M.* The stranger; a Study in Social Relationships / M. M. Wood. New York, Columbia university press; London, P. S. King & son, ltd., 1934, 295 p.